

Третий раз «в горящем танке»

Фёдор Антипович Тищенко после возвращения с фронта поступил работать на шахту № 3-3-бис машинистом подземного электровоза. Возможно, выбор профессии сделан был и потому, что шахтный электровоз чем-то напоминал вчерашнему танкисту его боевую машину.

Он даже с танкошлемом, правильнее — шлемофоном, который спасал на фронте от контузий, не расставался до тех пор, пока горнотехнический инспектор Фадеев не пригрозил вывести его из шахты за нарушение правил безопасности. Положено быть в фибровой каске, так будь любезен выполнять общепринятое правило. Хотя, по убеждению Фёдора, шлемофон спасает от удара под землей намного лучше шахтёрской каски.

Но тогда, в пятидесятых, он ещё беспрепятственно носил свой шлемофон, потому что касок на шахте не хватало.

Долгое время на пару с ним работала кондуктором девушка Катя Гирш.

Здесь надо бы напомнить о том, что профессия «кондуктор» на шахтах существовала длительное время. С кондуктором, а фактически с помощником машиниста электровоза, понятное дело, намного сподручнее работать.

Он во время постановки порожняка под погрузочный пункт стрелку переводит и вагоны, чтобы не забурились, плечом подтолкнёт. Так что кондуктор для машиниста электровоза — это «глаза и уши».

Со временем приказано было отказаться от этой профессии из соображений правил безопасности: работа кондуктора постоянно сопряжена с опасностью, так как рабочего места для него не предусмотрено. Он находился или в кабине электровоза, где и машинисту места не так уж много, или же на буфере заднего вагона.

Зато из кондукторов впоследствии получались отличные машинисты электровозов.

Красивая, расторопная была Катя, но неразговорчива. И не потому, что стеснительная, а по причине сильного заикания.

Впрочем, от кондуктора в шахте слово и не требуется особо, лишь бы исправно исполнял команды машиниста и чётко представлял порядок выполняемой работы. Но главное — быстрая реакция и осторожность: чтобы не споткнулся, переводя стрелку перед движущимся электровозом, и не попал под колёса.

В ту смену, как обычно, получили наряд забрать груз с дальнего участка, а взамен поставить очередной состав порожних вагонеток для дальнейшей отгрузки добытого угля.

Только почему-то горный мастер Донец приказал поставить порожняк по обводной ветке. Приказ не обсуждают:

по обводной, так по обводной.

Свернул Фёдор с главного квершлага на основной штрек участка. Обратил внимание, что параллельно с рельсовыми путями установлены стойки — дополнительное крепление огнив. Мера предосторожности, вызванная активизацией горного давления.

Совсем близко поставлены стойки к путям, даже рама электровоза задевает. На малый ход переключил машину Фёдор. Всегда по опыту работы имел в виду, что в составе могут быть вагонетки с раздувшимися боками, которые могут выдавить стойку крепления.

Тянет электровоз осторожно состав, очень осторожно, почти миновал проблемный отрезок пути, как выработка рухнула. Очевидно, вагонетки всё-таки выдавили пару-другую стоек. Обвал, если и случается, то по времени это одно мгновение. Бах — и вместо крепёжной выработки непролазный завал угля и породы с кучей пыли.

Повезло, что центр обрушения пришёлся на вагонетки, электровоз же почти миновал опасное место.

Что должна была испытать Катя, находившаяся на буфере последнего вагона, когда на её глазах в одно мгновение исчезли передние вагоны вместе с электровозом, а с ними и машинист электровоза Фёдор Тищенко?

Обычная женская реакция — закричала в ужасе. Но потом взяла себя в руки, понимая, что в данный момент надо думать о помощи. Побежала на выход штрека, к телефону.

...В шахте был самый разгар первой смены. Обычно в это время начальство идёт в шахту, чтобы лично осмотреть рабочие места. Вот и начальник транспорта Дмитрий Трофимович Абрамов вместе с десятником по креплению Савиновым и десятником по ремонту путей Кротовым, спустившись в шахту, заглянули в подземную диспетчерскую. Как раз в то время, когда диспетчер Пётр Глебов старался разобрать по телефону сбивчивую речь Кати.

Он растерянно доложил Абрамову: — На пятом участке засыпало Фёдора Тищенко...

Буквально через полчаса после обрушения начальник транспорта был на месте обвала.

Что же Фёдор? Выскочив из кабины электровоза, отбежал в тупик выработки и здесь стал размышлять, что делать дальше? Ждать, пока восстановят выработку? Это, пожалуй, слишком долго будет.

А что, если рискнуть и пробраться на свободу прямо через завал? Потому что, трезво размышляя, всё, чему положено вывалилось, и вероятность нового обрушения мала.

Полез по горе угля и породы вверх, в самый купол обвала. На мгновение направил луч своего светильника в раз-

верзшуюся бездну над головой. Неприятно стало от картины угрожающе нависших массивных породин готовых, кажется, вот сейчас, в сей момент рухнуть на него.

Втянув невольно голову в плечи, спотыкаясь о валуны, как можно скорее рванул через завал.

И выкатился прямо под ноги прибившему к месту аварии Абрамову.

— Фёдор! Так ты жив и в полном порядке?

Не веря глазам, хлопали по плечам, обнимали:

— По твоему виду не скажешь, что только что был в опасности!

Тищенко в ответ коротко бросил:

— Два раза на фронте в танке горел. Будем считать, что в третий раз из горящего танка выбрался...

...Удивительным образом этот случай повлиял на Катю Гирш — она перестала заикаться.

Через пару месяцев она сдала в учебном пункте экстерном экзамены на право вождения подземного электровоза и долгое время работала вместе с Фёдором Антиповичем в одной смене.

P.S. Давно это было, в конце 60-х годов сдружила меня с Фёдором Антиповичем работа: когда совпадали рабочие смены, и я, как слесарь электровозного депо, выдавал ему электровоз в полном «боевом» порядке, заряженный и исправный. Он расписывался в получении и на полном форсаже стремительно исчезал из депо. После смены сдавал под роспись, сообщая о техническом состоянии машины.

И стал он знакомить меня со своими стихами.

Когда я впервые стал читать его стихи, то до меня с трудом доходил смысл: переплетение русского языка с украинским. Но как только он сам начал читать, то удивительным образом поэзия стиха стала доходить до меня! Да, у него, несомненно, были творческие задатки.

Он написал стихотворение (которое я привожу здесь) и показал другу, подающему надежды поэту Ребескову Александру Викторовичу.

Через пару дней был готов обработанный вариант.

*Что припомнить? Было всяко.
Тот, кто в танке воевал,
Знает, коль пошёл в атаку,
Бей врага, чтоб не вставал!*

*Чтоб забыл сюда дорогу
Из своих фашистских стран,
Чтобы знал — танкист не дрогнет.
Нет снарядов — на таран!*

*Гром брони и рёв моторов,
Башня — задом наперёд.
Полный газ! Без разговоров
На таран! Враг не пройдёт!*

*Смотришь — «тигры» лезут строем,
Прут, как будто на парад...
Их «Катюши» принакроют,
Мы ударим, и — горят!*

*А однажды, было дело,
(в том теперь секрета нет).
Экипаж наш, чуть стемнело,
Вышел в танковый «секрет».*

*Добрались мы малым газом
Незаметно до села,
Где фашистская зараза
Нас ждала, но проспала.*

*Капонир — на всю машину
И траншеи по бокам:
Всё отрыли быстро, чинно,
Чтоб надёжней было нам.*

*Утром видим: немцы рядом.
Сели завтракать гурьбой...
Эх, пальнуть бы в этих гадов
Из машины боевой!*

*Но нельзя — стоим в секрете,
Тут не балуют стрельбой!
Ждем сигнала и ракеты —
Скоро должен грянуть бой!*

*Тишина такая, братцы,
Словно бы перед грозой.
Закурил бы я, признаться,
Да табак уж больно злой.*

*Враз его учуют гады —
Тут беды не миновать:
Не положено — не надо!
Ждать положено — так ждать!*

*Только вдруг на фоне сером
Видим, как из края в край,
Ходит по полю «пантера»...
Тут смотри, да не зевай!*

*Толь узнала про засаду?..
Взад-вперёд, к кустам, домам
Та «пантера» (вот досада!)
Что ни ход, то ближе к нам.*

*Точно. К нам. Достигли цели
И с буксирной стороны
«Хендехох!» — кричат нам в щели.
...Мы молчим: мол, потяни!*

*Зацепили нас неплохо,
Мы ж, как будто, полегли...
Только им пришлось же охатъ,
Как к своим поволокли.*

*Командир: «Ребята, к бою!».
Эй, водитель, поднажать!»...
...Не привру, брат, и не скрою —
Той «пантере» — хоть визжать!*

*Та и рада б отцепиться,
Да куда там — тянем мы!
Заершились было фрицы,
Мы по ним — гранатами!*

*Тянем их, как лов рыбацкий
На позиции свои!
...Так-то дело было, братцы
И товарищи мои!*

**Ф. ТИЩЕНКО,
машинист электровоза
шахты №3-3бис,
бывший механик-водитель Т-34.
(в обработке Ребескова А.В.)**

г. Прокопьевск.